АМБЕРИЯ

КОРОЛЕВА

ТАТЬЯНА БЕРДНИК

Татьяна Бердник

Амберия. Королева

https://litres.ru/74810488
SelfPub; 2026

Аннотация

Третья часть цикла "Амберия".

Пока одни борются за трон, а другие пытаются обрести дом и любовь среди последствий войны, Судьбы сводят вместе людей, способных изменить Амберию.

Но в борьбе с Севером так легко забыть, что грозы обычно приходят с юга. За пределами дворцовых стен уже зреет опасность, о которой спорящие за корону ещё не подозревают.

Содержание

Часть 3. Королева 4
Глава 1. Да здравствует Валентайл! 4
Глава 2. На Большом Совете. 22
Глава 3. На севере. 41
Глава 4. Казнь. 57
Глава 5. Правда. 69
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Татьяна Бердник
Амберия. Королева

Часть 3. Королева

Глава 1. Да здравствует Валентайл!

Родерик никогда не злоупотреблял вином. Напротив, он старался сделать вид, будто пьет много и быстро, при этом ловко опустошая кубок за кубком под стол. Мастерски изображая заплетающийся язык, он сохранял трезвый ум и быструю реакцию. Потому что слишком четко понимал: от этого во многом зависит его жизнь.

Но сегодня он твердо решил напиться, и желательно так, чтобы провалиться в сон без сновидений. Конечно, король с новоиспеченной супругой уже уединились в покоях, специально приготовленных им для первой брачной ночи. И ему, шуту, не должно быть до этого никакого дела. Эдуард не любит ни женщин, ни мужчин, но это не значит, что он неспособен…исполнить свой супружеский долг. Родерик ткнулся сжатым кулаком в стену и глухо зарычал.

Церемония не была ни слишком пышной, ни слишком длинной… Ровно такой, чтобы амберийцы со вздохом облег-

чения поняли: их король пристроен, он при новой королеве, а мужчина при женщине всегда имеет больший вес, нежели одинокий. Особенно такой, как сир Эдуард.

Главы домов покинули Эмбер почти сразу после самоубийства Элеонор… Возможно, кто-то из них (или тот, кто послал их сюда) и думал, что Эдуард будет блюсти траур… Но со свадьбой медлить было нельзя, а траур по преступникам не принят. Покойная Элеонор вошла в историю Амберии как преступница…

Словом, свадьба была скромной и тихой, но она состоялась, и какое-то время, возможно, они могут спать спокойно.

Вот только шут знал, что ему нынче не уснуть. Да, этой проклятой ночью Родерик хотел напиться как никогда в жизни, забыть обо всем, освободить голову от ненужных мыслей, а душу от ненужной боли… Но и это ему не удалось. Он не успел осушить и четверть бутылки, как какой-то шум извне привлек его внимание.

Только когда служанки, закончив последние приготовления, вышли из покоев, Изабелл ощутила, как дрожат ее пальцы, и сжала руки. Она не должна бояться. Это ее долг. Это долг всех жен в мире, и многие ли из них могли похвалиться браком по любви? В конце концов, сир Эдуард не чудовище, он не жесток, не омерзителен, он король и защитник всего государства. И он сам боится ее.

Нет, Изабелл никогда не тешила себя надеждой встретить

кого-то, кого она сможет полюбить, и кто полюбит ее в ответ. Любовь тоже не всегда приносит счастье – она знала это, читала в потухших после смерти матушки глазах отца, в его мгновенно поседевших волосах и шаркающей походке, в его потерянном вкусе к жизни. Изабелл думала, что, когда придет ее время, она исполнит свой долг и станет женой любого достойного человека, что выберет ее отец. Быть супругой короля – разве много бы нашлось девушек, хотя бы мечтающих об этом? И разве можно было назвать эту участь недостойной? Но сейчас Изабелл стояла посреди спальни и больше всего хотела распахнуть дверь и бежать, бежать куда глаза глядят, подальше от этого места.

Король вошел так тихо, что Изабелл не сразу его заметила. Сердце ее пропустило удар, а потом понеслось вскачь, будто резвая гнедая.

Он выглядел не слишком хорошо. Поверх рубашки и штанов на нем был теперь роскошный халат, расшитый золотом, но Эдуард словно бы терялся в нем, выглядел помятым и растерянным.

– Я не помешал? – спросил он, глядя куда-то в сторону.

– Нет, сир, – Изабелл смиренно склонила голову, не зная, куда девать руки.

Эдуард сделал несколько неуверенных шагов и застыл посреди комнаты.

Это было мучительно. Мысленно помолившись всем Судьбам, Изабелл заставила себя улыбнуться и мягко пред-

ложила:

– Может быть, выпьете вина, сир?

Эдуард вздрогнул и поморщился.

– Нет, спасибо.

Она кивнула и отчаянно попыталась придумать следующую фразу для продолжения беседы, но на сей раз король опередил ее:

– Как вам понравился обряд?

– Все было замечательно, сир. А вам? – спросила она учтиво.

Эдуард нахмурился и внезапно беспомощно взмахнул руками:

– Леди Изабелл… Я должен, должен…

Он внезапно замолчал, и она попыталась помочь ему:

– Должны?..

– Да, – он раздраженно заходил по комнате и быстро заговорил, не глядя на нее. – Должен сказать. Это… Это тяжело. Понимаете, я никогда… Я не знаю, получится ли… Матушка говорит, что нужен наследник, но я… О, Судьбы, как же я ненавижу все это!

Изабелл застыла, в изумлении взирая на своего новоиспеченного супруга. Она никогда прежде не видела Эдуарда в таком нервическом состоянии, и теперь его слова доходили до нее с трудом.

– Что это? – вдруг спросил он, останавливаясь и поднимая голову.

– Где?

– Там. Что это за шум?

Изабелл прислушалась и действительно услышала чьи-то крики.

Она посмотрела в приоткрытое окно, и они с Эдуардом, не сговариваясь, приблизились к нему, желая определить источник звука. Она хотела выглянуть, но король опередил ее, распахивая створку и едва ли не свешиваясь вниз в попытке разглядеть что-то в темноте.

– Что там, сир? – почему-то шепотом спросила Изабелл.

– Судьбы! – Эдуард с необычайной для себя резвостью захлопнул окно, едва не прищемив пальцы Изабелл, которые она поспешно одернула.

Он посмотрел прямо на нее. Лицо короля побледнело. Сейчас Эдуард более всего напоминал мертвеца.

– Оставайтесь здесь, – сказал он, торопливо одергивая халат. – Мне надо идти.

– Что случилось, милорд? Кто это?

– Я не знаю, не знаю! – Эдуард был уже в дверях. – Нужно позвать стражу.

Дверь за ним захлопнулась. Изабелл метнулась к ней и задвинула засов. Приблизилась было к окну с намерением выглянуть в него, но отказалась от своей затеи.

Прошло несколько томительных минут. Страх теснил ее душу. Что это?

Опять война? Как могут враги проникнуть во дворец, ко-

торый стерегут лучшие войны? Где же тогда можно чувствовать себя в безопасности, если не в Чертоге? Она подумала о судьбе отца и сестер. Что ждет ее? Смерть? Плен? Безвестие?

Кто-то дернул дверь. Потом в нее тихонько постучали.

Изабелл вздрогнула и затаилась. Взгляд ее упал на один из массивных подсвечников у изголовья кровати. Она задула огонь и, схватив его, медленно приблизилась к двери.

– Миледи, – донесся до нее глухой голос Родерика. – Вы там?

Вот тот, кому она может верить!

Изабелл отперла дверь.

– Слава Судьбам! – воскликнул Родерик при виде ее.

Он был взлохмачен, едва одет, но Изабелл не обратила на это никакого внимания. Главное, что это был он, и он был рядом с нею.

В руках шута был меч.

– Что происходит? – спросила его Изабелл, уставившись на оружие.

Она не могла припомнить, чтобы когда-либо прежде видела его вооруженным. Разве что он носил, к примеру, небольшой кинжал или что-то подобное под своими разноцветными одеждами.

– Сидите здесь, – вместо ответа приказал он.

Глаза его всегда бывали серьезными, но сейчас и черты лица заострились, выдавая нервное напряжение.

– Я запру вас, – Родерик показал на ключ в своей ладони. – Когда все закончится, то приду сам. Если нет… Есть второй ключ, вот, держите. Умоляю, не пользуйтесь им, не убедившись, что в замке все стихло. А лучше всего дождитесь меня.

– Но вы…

– Я вернусь.

Изабелл безотчетно схватила его за рукав.

– Вы обещаете?

Родерик на мгновение бросил взгляд на ее руку, прежде чем ответить:

– Обещаю.

Изабелл кивнула, и шут исчез за дверью.

Изабелл сдержала обещание, хотя сидеть в одиночестве в запертой комнате было почти невыносимо. Откуда-то снизу до нее доносился непрекращающийся шум и крики, и это повергало ее в панику. Она подбежала было к окну, но тут же развернулась к противоположной стене и, ощущая, как дрожат ее ноги, осела на пол, крепко сжимая в одной руке ключ, а в другой подсвечник. Изабелл закрыла глаза и принялась молиться Судьбам.

Когда в замочной скважине заскрипел ключ, Изабелл вскочила на ноги и покрепче обхватила подсвечник.

Слава Судьбам, это был Родерик. Отыскав ее взглядом, он

вздохнул и ощутимо расслабился. А потом захлопнул дверь в тот самый миг, когда она готова была уже выглянуть в коридор из-за его плеча. Поймав ее вопросительный взгляд, шут лишь покачал головой.

– Что там? – Изабелл жестом указала на дверь.

И испуганно тронула его предплечье, где в прорехе рубашки была видна его рука.

– У вас кровь.

Родерик растерянно потрогал это место и отмахнулся.

– Не моя.

Он устало опустился на пол, привалившись спиной к стене. Взгляд его лихорадочно горел, губы беззвучно шевелились, словно рассказывая что-то. Изабелл испуганно застыла, не сводя с него глаз. Впервые она видела его таким.

Наконец, он потер тыльной стороной ладони глаза и поднял на нее голову.

– Измена. Сэр Кэчер, Советник, продался северянам. Впрочем, уже неважно. Мятеж подавлен. Но Эдуард, – он запнулся, взгляд его стал тяжел и зол. – Король убит.

Изабелл ахнула и тут же прикрыла ладонью рот.

– Я опоздал, – обреченно произнес Родерик. – Он уже лежал там, на лестнице… Эдуард был их целью. Они достигли ее. Падение южного дома Валентайлов…

Изабелл ощутила, как ноги ее подкашиваются. Она сползла по стене рядом с шутом и в беспомощном жесте, как ребенок, обняла свои колени.

– Что же теперь будет?

– Что теперь будет, – эхом отозвался он, но вдруг встрепенулся и повернулся к ней.

Родерик внимательно смотрел на нее, и от этого взгляда Изабелл стало не по себе. В глазах его отражалась быстрая работа мысли. И вдруг мужчина вскочил, словно бы и не сидел еще минуту назад на полу, полностью обессилев. Глаза его с жадностью обшаривали расстеленное брачное ложе, словно пытаясь найти там необходимые ему доказательства. Или их отсутствие.

– Бракосочетание состоялось. Вы теперь тоже носите имя Валентайл.

– Но…, – она проследила за ним взглядом и сказала, невольно запнувшись. – Сэр Родерик, брак не был консумирован.

Непонятная гримаса исказила его лицо. В мгновение ока он подскочил к постели, одернул одеяло и приложился предплечьем к белой, словно саван, простыне.

– Что вы делаете? – чувствуя себя глупо, спросила Изабелл.

– Консумирую ваш брак, – как ни в чем не бывало ответил Родерик.

Как не могла заметить Изабелл, настроение его заметно улучшилось, что было весьма странно, учитывая обстоятельства, в которых они оказались. Оглядев результат своих трудов, он удовлетворено хмыкнул, потом схватил простыню и

оценивающе оглядел Изабелл. Она поднялась и почувствовала, как в лицо бросилась кровь, поэтому судорожно стянула на груди свою слишком просторную ночную рубашку. Родерик какое-то время глядел на нее с нечитаемым выражением, потом вернулся к постели, схватил покрывало и набросил тяжелую материю на плечи Изабелл. Затем, свернув простыню в узел, Родерик подал девушке свою свободную руку.

– Идемте.

Ни о чем не спрашивая, она доверчиво уцепилась за его локоть. Едва выйдя за дверь, Родерик тихо сказал:

– Прошу вас, не смотрите. Это зрелище не для ваших глаз.

Но она уже увидела слишком много. Брошенное оружие. Бурые капли крови на каменных ступеньках. Тела. Чьи? Врагов ли? Стражников?

– Закройте глаза, – сказал Родерик, почувствовав ее дрожь. – Я проведу вас.

Изабелл отчаянно помотала головой. Она не будет трусихой, она не станет закрывать глаза. Если только… Собравшись с духом, она спросила, изо всех сил стараясь, чтобы голос ее не дрожал:

– А король?

– Его уже унесли.

Чем ниже они спускались, тем отчетливее был слышен гул людских голосов. Они остановились у балкона, опоясывающего тронный зал. Изабелл слышала крики, чей-то плач и

недоуменные восклицания, топот ног и бряцанье мечей.

– Взгляните, – Родерик отодвинул какую-то потайную портьеру, и Изабелл воочию увидела сумятицу, царившую внизу.

Перепуганные одетые наспех придворные, дамы с всклокоченными волосами, охрана, растерянно оглядывающаяся и то вынимающая мечи из ножен, то толкающая их обратно.

Это пестрое море волновалось, шевелилось, пыталось узнать хоть что-то о происходящем, уяснить хоть малую толику того, что же случилось нынешней ночью в главном Дворце Чертога, и, по всему, уже было готово на шторм.

Внезапно раздавшийся внизу голос сэра Кэссера заставил их примолкнуть и обернуться к начальнику охраны.

– Слушайте все! Во дворце было совершено преступление. Страшное и подлое. Заговорщики раскрыты и схвачены. Они напали вероломно, ночью, брачной ночью нашего короля, стремясь застать нас врасплох. И это им удалось, – сэр Кэссер сделал паузу и, тяжело мотнув головой, продолжил. – Амберия скорбит. Король, его величество Эдуард, убит.

Зал протяжно вздохнул, и на несколько мгновений повисла тишина. Но сэр Кэссер ничего не добавил к сказанному, лишь опустил голову, словно признавая свое поражение.

Отчетливо послышался женский плач навзрыд. Ропот пронесся вокруг, в котором можно было различить отдельные фразы.

– Убит?!

– Кем?

– Что теперь?

– Что будет?

– Северяне!

– Сжечь северян!

– Трон пуст!

– Род Валентайлов мертв!

– Послушайте! – сэр Кэссер попытался унять толпу, но они больше не хотели его слушать.

– Теперь Ренард придет сюда!

– Кто помешает ему сесть на трон?!

– Или поставить наместника?

– Мы не станем подчиняться грязным северянам!

– Прислуживать дикарям?! Никогда!

Это был ужас, это был гнев в его чистом и первобытном виде, и он грозил затопить все вокруг, посеять смуту и хаос. Она слышала надвигающуюся бурю во всех этих голосах, что вздыбливались волной и поднимались наверх, перебивая друг друга и теряясь в каком-то общем гуле. Это был звук рушащейся Амберии. Звук Войны. Изабелл со страхом в глазах повернулась к Родерику. Он смотрел на нее серьезно, печально и так странно, что мурашки пробежали у нее по спине.

– Простите, – прошептал он.

Она не успела спросить, за что, потому что Родерик вы-

толкнул ее из-за портьеры и поставил перед толпой, а затем что есть силы крикнул:

– У нас есть Валентайл!

Изабелл, только сейчас понявшая, что задумал шут, стояла бледнее полотна и глядела на людей внизу, что при крике Родерика подняли глаза наверх и впились ими в ее фигуру.

На миг крики стихли. И шут незамедлительно этим воспользовался.

– Невеста короля Эдуарда стала его женой. Кто знает, возможно, она уже ожидает его наследника, – и жестом фокусника он явил перед застывшим людским морем доказательство своих слов.

Изабелл смотрела на них, тех, кто внизу, и видела растущее на глазах изумление. Она выхватила взглядом сэра Кэссера, который, казалось, не мог поверить в происходящее.

А потом всеобщее изумление сменилось неверием и, наконец, надеждой.

– Но это девчонка! – выкрикнул кто-то, заставив Изабелл вздрогнуть.

– Королева Элеонор тоже была женщиной, болван, – в ответ резко отозвались из другого конца зала.

И Родерик понял, что тянуть дольше нельзя.

– Да здравствует ее величество королева Изабелл, – торжественно произнес он и преклонил колено.

Изабелл зажмурилась. Она изо всех сил надеялась, что все это происходит не с ней, а с кем-то другим, кто стоит сейчас

перед толпой, готовой или принять ее, или растерзать. Всеобщее молчание длилось несколько секунд, но они показались ей бесконечностью.

– Да здравствует королева Изабелл, – раздались вдруг робкие возгласы.

Один, второй, третий…

Это заставило ее открыть глаза. Один за другим стоявшие внизу подданные Эдуарда произносили приветствие и преклоняли перед нею колено, пока не осталось ни одного, не присягнувшего новой королеве.

– Да здравствует Валентайл! – всё громче скандировали они.

А она стояла перед ними, маленькая и слабая, окутанная постельным покрывалом, словно мантией, и потому невольно расправившая плечи. Взгляд ее метался от одного придворного к другому, пока не упал на сэра Кэссера – и она могла бы поклясться, что прочла в его глазах безмолвное одобрение за секунду до того, как он вслед за остальными преклонил колено, признавая ее новой правительницей.

– Итак, мои друзья, могу вас поздравить: мы только что совершили переворот, при том успешный, – намеренно весело произнес Родерик, едва бушующее море немного успокоилось, и они с Изабелл и Кэссером укрылись в королевских покоях.

Сэр Кэссер молча хмыкнул, придвигая новоявленной королеве стул и почтительно подавая ей руку. Она с благодарностью приняла ее и села.

Шут тем временем встал у стены рядом с нею, ища спиной опору.

– Нет, это была самая дьявольская ночка на моей памяти. Что скажете, Кэссер?

– Я выражу надежду, что все оставшиеся ночи будут не такими.

Изабелл, словно очнувшись, подняла глаза на Родерика и обреченно спросила:

– Что вы наделали?

– Я дал им правителя, который сейчас необходим.

– Но я не правитель!

– Вы королева.

– Лжекоролева!

– Брак состоялся, – твердо произнес Родерик, одними глазами предупредительно указывая ей на сэра Кэссера. – Миледи, неужели вы считаете свою кандидатуру хуже сира Ре-

нарда или одного из его наемников?

– Я… Я не знаю, – Изабелл обхватила голову руками и тоскливо произнесла:

– Если бы возможно было возвратиться домой…

– Теперь ваш дом здесь, миледи, – тихо сказал сэр Кэссер, подходя и бережно, почти невесомо кладя руку ей на плечо. – Сэр Родерик прав, вы единственный человек, который может сейчас сохранить порядок в Чертоге. Вы должны хотя бы попытаться.

– Но я не знаю, как, – подняла она свое бледное растерянное лицо. – Меня не учили этому.

– Вы научитесь, – убежденно сказал Родерик, по обыкновению усмехнувшись. – Это не так уж сложно.

– Вы поможете мне? – с надеждой обратилась она к двум мужчинам, переводя взгляд с одного на другого. – Ведь вы же мне поможете?

Родерик молча смотрел на нее. Сэр Кэссер поклонился.

Королевский шут пробирался по извилистым коридорам Чертога к своей комнате, с трудом волоча ноги от усталости. Уже рассвело. Они провели втроем несколько часов, не меньше, пытаясь уяснить произошедшее этой ночью. Изабелл держалась неплохо. Даже очень неплохо для женщины, выросшей под защитой дома и никогда не сталкивающейся со смертью лицом к лицу. Родерик надеялся, что поступил сегодня правильно. С другой стороны, выбор у него

был невелик. Оставить Изабелл здесь на правах несостоявшейся жены короля среди безвластия и хаоса, в Чертоге, где она чужая, однако считается опасной персоной… Был еще один выход: увезти ее отсюда. Не в Лебединый Пруд, которого больше нет, а дальше, возможно, за Срединное море, в далекие земли. И, что таить, это была очень заманчивая мысль. Но разве бы она поехала с ним? Что мог он дать ей там? А здесь он дал ей корону и власть. Правда, их нужно еще удержать. Да, она не просила всего этого и, возможно, не хотела. Но дело сделано, и это уже ничего не меняет. Спрашивая себя, поступил ли он правильно, сделал бы он это снова, повторись сегодняшняя ночь – о да, Родерик неизменно отвечал себе утвердительно.

Пес Эдуарда сидел под дверями каморки Родерика и тихо поскуливал. При виде шута он пригнулся и уткнулся носом в сапоги человека.

Родерик наклонился, чтобы потрепать собаку по шее.

– Что, брат, плачешь? – Родерик вспомнил тело короля, которое он обнаружил на лестнице и невольно вздрогнул. – Ничего, Черт, теперь мы как-нибудь вдвоем.

Глава 2. На Большом Совете.

Несмотря на бессонную ночь, Родерик был на ногах уже на рассвете. Он наспех оделся, не забыв спрятать под своей яркой накидкой широкий пояс с парой кинжалов. Черт повел ухом и тихонько заскулил, но Родерик приказал ему оставаться на месте.

– Лежать, мальчик! Вот так, хороший пес. Мы скоро позавтракаем, – подмигнул шут собаке и, нервно хохотнув, добавил:

– Если нам повезет.

Чертог был обманчиво пуст и тих. Слуги, которые уже должны были просыпаться и хлопотать, по своему обыкновению, словно затаились. Оно и понятно, на их месте он забился бы в самые дальние уголки кладовых и преспокойно жевал сейчас сыр с ветчиной. На своем пути Родерик встретил только нескольких стражников. Они выглядели растерянными.

Около королевских покоев стояла пара часовых. Шут кивнул им привычным жестом, и они, чуть помедлив, расступились. Он негромко постучал. Удивительно, но дверь открылась в ту же секунду, как будто кто-то все время стоял прямо за нею.

– Сэр Кэссер?

Старый рыцарь устало улыбнулся.

– Сэр Блэк. Не думал, что когда-нибудь увижу вас удивленным.

– Ночевали здесь?

– Да, – рыцарь серьезно кивнул. – Не мог оставить Ее Величество после…случившегося.

Родерик протиснулся в комнату и кивнул на балдахин, плотно завесивший королевское ложе.

– Как она? – шепотом спросил шут.

Сэр Кэссер молча пожал плечами.

Родерик пожевал губами и добавил:

– Меньше всего мне хочется будить ее, но есть вещи, что не терпят отлагательств.

– Я не сплю, – тут же донеслось до них из-за балдахина.

Тяжелая материя зашевелилась, и Изабелл предстала их взору.

На ней было черное платье, что носила она еще во время траура по своему отцу. Волосы она пригладила сама, как могла, и заплела в две косы. Лицо Изабелл было бледно, под глазами залегли тени.

– Ваше Величество! – Кэссер поклонился.

– Вы не спали, – Родерик произнес это как утверждение.

– Не спала, – серьезно посмотрела она на него.

В углах ее бескровных губ залегли глубокие складки. Сейчас она выглядела старше, много старше своих лет.

– А вы?

– Немного, – признался Родерик.

– Я должна поблагодарить вас, сэр Кэссер, – обратилась Изабелл к рыцарю. – За то, что лично охраняли мой покой.

– Это мой долг, Ваше Величество.

– А теперь – присядем, – она указала им на стулья и скамью около очага. – И сэр Родерик расскажет нам свой план. У вас ведь есть план, сэр Родерик? Вчера он, несомненно, был.

– Вчера была чистейшая импровизация, – шут горько усмехнулся, устраиваясь на жесткой скамье поудобнее. – Судьбы, что за аскеза? Вам нужно приказать поставить сюда мягкие кресла!

– Несомненно, я так и сделаю, если доживу до сегодняшнего вечера.

– Ваше Величество! – в притворном ужасе воскликнул Родерик. – Я полон надежд на то, что вы будете жить и править Амберией долго, моя госпожа.

Кэссер выразительно кашлянул.

Родерик покосился на него и сказал Изабелл со всей серьезностью:

– Ваше Величество, вам необходимо как можно скорее собрать Большой Совет. Его поддержка жизненно нужна. Без Большого Совета вы никто.

Изабелл задумалась, а потом спросила:

– Кто входит в Совет? Кроме сэра Кэссера.

– Еще шестеро. Семь человек нужно, чтобы не допустить равных голосов при спорных моментах.

– А король? Или королева?

– Председатель Совета. Тот, кто принимает окончательное решение.

– Даже, если это решение меньшинства?

– Даже, если это решения меньшинства, – подтвердил Родерик. – Скажу вам более, Председатель может принять решение, полностью отличное от мнений каждого из своих Советников.

– Но этого лучше не делать, – губы Изабелл тронула тень улыбки.

Родерик же улыбнулся широко, показывая свои ослепительно-белые зубы.

– Да, в большинстве случаев это не лучшее решение.

– Тот человек, сэр Юбер… Он тоже в Совете?

– Да. Советник по монетам. Ведает расходами и доходами королевства.

– Что он за человек? Он не производит впечатление такого весельчака, каким хочет казаться.

– О да, Ваше Величество. В делах монеты нельзя быть несерьезным. Третий советник – сэр Савард. С ним вам нужно будет поговорить в первую очередь, он занимается судебными делами, и именно под его ответственностью сейчас находится сэр Кэчер, прошлой ночью подло предавший своего короля. Сэр Савард весьма жесткий человек. Но в его честности не приходится сомневаться.

Изабелл на мгновение прикрыла глаза, но вскоре снова

посмотрела на Родерика.

– Кто остальные трое?

– Сэр Венев – советник по науке. Чрезвычайно полезный человек, но большой чудак.

– Да, кажется, я вспомнила его, – сказала Изабелл, морща лоб.

– Вы наверняка встречались в коридорах Чертога, – подтвердил Родерик. – Кто там у нас остался? Сэр Марич занимается вопросами строительства. Он обычно не вмешивается в дела государства, если только не планируется какая-то значимая постройка. И советник по лекарскому делу – сэр Арбогаст.

– Какое странное имя.

– Верно. Его предки пришли в Амберию из-за Срединного моря, с Островов. Но есть еще Малый Совет. Он собирается для чрезвычайно важных вопросов. В него входят сэр Кэссер, сэр Юбер и сэр Кэчер. Входил сэр Кэчер, – поправился шут.

Изабелл встала и заходила по комнате. Мужчины тут же поднялись.

– Хорошо. Что нужно сделать, чтобы Совет собрался?

– Я позабочусь об этом, – поклонился сэр Кэссер. – Если позволите.

Изабелл кивнула ему с благодарностью, и рыцарь покинул их. Она взглянула на Родерика.

– Вас там не будет.

– Разумеется. Я же шут.

– Но что я должна сказать им?

– Положитесь на свою интуицию, и вы скажете все, что нужно. Главное – выслушайте их, если за эту ночь у них накопились вопросы или предложения. Они по большей своей части весьма опытны в государственных делах.

– Ответьте честно, сэр Блэк: вы верите в то, что они примут меня?

Родерик развел руками и ободряюще улыбнулся ей.

– У них нет выбора, Ваше Величество.

Она устало опустилась на стул и сцепила руки.

– Вы должны поесть, – мягко заметил Родерик.

Она рассеянно кивнула и тут же покачала головой.

– Потом. Я все равно не смогу проглотить ни кусочка до Совета.

Он кивнул, словно и не ожидал услышать ничего другого.

– Вам нужно будет выбрать нового Советника по безопасности.

– Это обязательно?

– Это первоочередное дело, я бы сказал.

– Сэра Кэссера?

– Я бы не советовал вам. Сэр Кэссер незаменим на должности военачальника. Он имеет огромный авторитет у нашей армии. Другого такого вы не найдете.

– Тогда?.. – Изабелл выразительно посмотрела на него, и Родерик невольно засмеялся.

– О нет, Ваше Величество! Если вы предложите на должность Советника презренного шута, боюсь, мои надежды на ваше долгое правление не сбудутся.

Она тоже улыбнулась.

– Есть еще лорд Монфор. Из тех, кого я знаю.

– Есть, – уклончиво согласился Родерик. – Однако, вам нужно переодеться, – посоветовал Родерик. – Надеть что-то более…подобающее королеве.

– Нет, – покачала она головой. – Нет, сэр Родерик. Я вдова и буду носить черное. Это правильно. И люди меня поймут.

– Возможно, вы правы, – он на миг задумался и чуть прищурился. – Возможно, они и ждут от вас именно этого.

Раздался осторожный стук, и в дверях показался сэр Кэссер.

– Ваше Величество, Большой Совет соберется через час в Красном зале.

Изабелл расправила плечи и глубоко вздохнула.

– Благодарю вас, сэр. Вы проводите меня туда?

– Почту за честь, Ваша милость.

– А теперь прошу вас уйти, – тон Изабелл был просящим, но твердым. – Мне нужно побыть в одиночестве.

Когда через час она открыла дверь комнаты, за нею уже стояли верный Кэссер и шут.

– Я подожду вас здесь, – тихо сказал Родерик, покосившись на Кэссера, не слышит ли. – Если вы позволите.

Она кивнула.

– Миледи, – поклонился Кэссер. – Вы готовы?

Милли уложила ей волосы, но Изабелл осталась в том же платье.

– Да, идемте.

Следуя за военачальником, она на секунду обернулась. Родерик стоял в дверях и ободряюще улыбался ей.

Сердце стучало в такт шагам. Да что там, оно глухо билось о грудную клетку, грозясь вырваться и упасть туда, вниз, на каменные полы, чтобы затем покатиться по коридорам Чертога.

Она не знала, конечно же, где Красный зал. Она почти ничего не знала о Чертоге – и теперь они ждали от нее разумного управления всей этой громадой. Да что там Чертогом!.. Амберией! Если бы не этот странный шут с повадками короля… Если бы не он… Изабелл задумалась. Не толкни он ее навстречу толпе, сейчас Чертог мог быть охвачен настоящим хаосом. Было бы опрометчиво думать, будто в данный момент все спокойно, однако Изабелл, по крайней мере, не слышала криков и плача, никто не бегал в панике по Чертогу и не пытался разграбить казну под шумок, а люди с оружием спокойно стояли на своих местах, где им и полагалось быть. И теперь собрался Большой Совет, на котором она должна как-то успокоить людей и заставить себе подчиняться. О Судьбы, получится ли у нее…

Они долго шли по каким-то коридорам, где она прежде не бывала, и вдруг сэр Кэссер резко затормозил у огромной черной двери с причудливой резьбой. Изабелл не успела разглядеть, что именно изображено на ней, потому что Кэссер почти сразу же распахнул дверь, видимо, не желая давать своей новой королеве времени испугаться.

Изабелл набрала в легкие воздуха и вошла внутрь.

Это был небольшой зал, весь темный и какой-то холодный, как будто окна его выходили на север. Впрочем, наверное, так и было. Из-за царившего полумрака Изабелл не сразу разглядела советников.

А они стояли по обеим сторонам от длинного стола в центре комнаты и смотрели на нее. Просто смотрели, но от этих взглядов у Изабелл задрожали ноги. Ей пришлось сделать шаг вперед, чтобы не показать этого.

И тут же воцарилась неловкая пауза.

Выручил сэр Кэссер, который легко тронул ее за локоть и кивнул на стул с самой высокой спинкой во главе стола. Стул сейчас пустовал. Значит, теперь это ее место.

Изабелл прошла к стулу и аккуратно села. Сэр Кэссер последовал ее примеру – его место было по правую руку от Председателя.

Советник Юбер – она помнила этого невысокого пухлого человека с ямочками на щеках – улыбнулся и с явным облегчением плюхнулся на свое место слева от нее. Она была почти уверена, что при этом он успел подмигнуть сэру Кэс-

серу, сидевшему напротив. Остальные тоже сели.

Минуту Изабелл молчала, позволив себе рассмотреть присутствующих, благо глаза ее успели привыкнуть к довольно скудному освещению. Кроме уже упомянутых, она увидела худого мужчину с ярко-рыжей шевелюрой на голове (таким кудрям позавидовала бы любая девушка), он сидел, уткнувшись взглядом в стол перед собою, а губы его беззвучно двигались, как если бы он что-то бормотал про себя. Это сэр Венев, его она тоже уже встречала при дворе. А вот остальных троих видела впервые. Худощавый лысый мужчина неопределенного возраста с суровым выражением лица – это, несомненно, Советник Савард, – об этом говорила и его одежда: балахон белого цвета с воротом, скрепленным брошью с изображением Судеб. Изабелл невольно вздрогнула – она не хотела бы остаться с ним один на один, ее по-настоящему пугал этот человек. Советником Арбогастом, несомненно, был тот, что сидел в самом конце стола. Ничем не примечательный старик с вышитым на куртке трилистником – символом врачевания в Амберии. Значит, последний – коренастый человек с невероятно узкими бровями-ниточками и тяжелой челюстью – сэр Марич, советник по строительству.

Молчание затянулась, Изабелл поймала на себе настойчиво-прямой взгляд Кэссера и, втянув в себя воздух, сказала:

– Благодарю…, – голос все же подвел ее, и Изабелл пришлось не очень-то элегантно откашляться, прежде чем она

смогла продолжать. – Благодарю вас всех, что собрались так быстро. От нас сейчас зависит судьба Амберии.

До этого момента Изабелл не знала, что скажет им. Но, наверное, эти слова оказались правильными, потому что некоторые вздохнули, многие едва заметно закивали головами, словно бы соглашаясь с ней.

Изабелл поняла, что может продолжать.

– Еще вчера я не могла помыслить, что когда-нибудь буду сидеть на этом месте. Я не желала этого. Но ужасные события, смерть моего супруга и нашего короля…, – тут она сделала паузу, закусила губу и продолжила тихо. – Нужно во что бы то ни стало сохранить порядок в Чертоге и обезопасить себя от врагов. Это печально, но мы все понимаем, что северный правитель по-прежнему представляет угрозу миру в Амберии. Предстоит многое сделать, многое решить. И без вашей помощи мне не справиться. Я нуждаюсь в вас так же, как Амберия в мире. Настоящем мире. Если кто-то из вас не захочет оставаться в Совете, пусть скажет прямо. Я уважаю решение каждого из вас, и вы вольны делать то, что считаете правильным. Я не стану осуждать или преследовать вас, если вы решите уйти.

Но они молчали. Изабелл знала, что так будет: они промолчат, даже если не желают служить ей.

Так или иначе, она поняла, что пора перейти к волнующим всех вопросам.

– Я расцениваю молчание как намерение всех вас остать-

ся. И не скрою, что рада этому. Ваш опыт поможет нам как можно быстрее привести все дела в порядок.

Они снова промолчали, но кто-то продолжал кивать себе под нос, и это придавало Изабелл сил. Больше всех ее пугал Савард. Значит, с него и следовало начать.

– Советник Савард, доложите, как обстоят дела с задержанным.

Савард повернул к ней свое бесстрастное лицо, и на какую-то долю секунды ей показалось, что он прямо сейчас назовет ее самозванкой и с достоинством покинет это сборище. Но она ошиблась. Савард спокойно сказал:

– Миледи, советник Кэчер сидит в камере. Он сознался во всем и назвал имена своих сообщников. Их сейчас ищут. Как только обнаружат, я лично доложу вам.

Он всё ещё называл её миледи. И всё-таки обещал доложить ей, когда найдут остальных. Ещё минуту назад Изабелл боялась, что он встанет и уйдёт. Теперь она могла спросить его, кто стоял за Кэчером, и он ответит.

– Советник Кэчер был подкуплен северянами?

Савард кивнул.

– Вне всякого сомнения. Он сам подтвердил это.

Изабелл помедлила и спросила:

– Кто занимается вопросами погребения?

Сэр Арбогаст чуть вздрогнул, словно очнувшись от своих мыслей, и, привстав, поклонился.

– Советник Арбогаст, мы хотели бы узнать о погребении

короля Эдуарда…

Тот кивнул и ответил:

– Оно состоится завтра на закате, как предписано в Книге Судеб.

– Все готово? Мне бы хотелось, чтобы все прошло…достойно.

– Вне всякого сомнения, миледи. В королевском склепе все будет подготовлено сегодня же.

Изабелл кивнула и обратилась к Кэссеру.

– Сэр Кэссер, какова вероятность, что в свете последних событий сир Ренард нарушит перемирие?

– Он уже его нарушил, – отозвался Юбер, недовольно ерзая на стуле.

– Пока косвенно, – возразила ему Изабелл и вновь обратила взор на своего военачальника.

– Произошедшее ночью, Ваше Величество, должно было посеять смуту в Чертоге и сделать нас растерянными и беспомощными. Со стороны северян логичнее всего было бы держать войско наготове для немедленного захвата власти. Но если бы они разместили свои силы вблизи нас, это не прошло бы незамеченным, особенно в пору перемирия. Наша разведка уверяет, что все силы северян по-прежнему сосредоточены вокруг Нордтэка и Белого Лога. А это не меньше шести-семи дней пути. У нас есть это время, чтобы предотвратить осаду Чертога.

– Иными словами, вы считаете, что нужно созвать союз-

ников.

– И немедленно, Ваше Величество.

– Хорошо. Вы займетесь этим. Есть шанс, что Ренард затаится, узнав о том, что власть в Чертоге не утеряна, а войска наших союзников смогут стать дополнительным аргументом в пользу сохранения перемирия.

Кэссер кивнул и уставился в стол прямо перед собой. Губы его беззвучно шевелились – вероятно, он делал в уме какие-то подсчеты.

– Какие еще вопросы требует немедленного решения? – обратилась Изабелл к Совету.

Они едва ли провели тут более пятнадцати минут, но она уже чувствовала себя выжатой, как лимон. Бессонная ночь и тревоги, связанные с тем, примут ли ее советники, сказывались все больше и больше, Изабелл мечтала забиться в самый дальний угол своей спальни, спрятаться под одеялом и уснуть там, как это бывало во времена ее детства, когда она боялась грозы. Но, конечно, было бы слишком наивно ожидать, что они отпустят ее так просто.

– Ваше…Величество, – вдруг донёсся до неё голос Саварда, и она не знала, была ли эта небольшая пауза предумышленной. – Согласно традиции, королю Ренарду следует признать вас, как только состоится коронация.

Только что она велела Кэссеру созвать союзников, и он кивнул, будто дело было решено. Но кто пришлёт ей людей, если Ренард объявит, что трон принадлежит ему? Изабелл

невольно сжала подлокотники. Ещё вчера в этом кресле сидел Эдуард.

– Мы прекрасно понимаем, что сиру Ренарду ничего не стоит нарушить любые традиции, – она постаралась говорить спокойно. – В свете последних печальных событий.

– Однако посол с официальной бумагой о коронации должен быть отправлен на север, – стоял на своём Савард.

– Нам не нужна война, – тихо отозвался сэр Юбер. – Не сейчас.

– Хорошо, – кивнула Изабелл. – Посол отправится в путь сразу после церемонии.

Сэр Юбер поерзал на своем стуле и осторожно спросил:

– Кто же займет место Советника Кэчера, Ваше Величество?

Изабелл подавила желание закатить глаза. Это смотрелось бы весьма неуважительно. Но она знала, что ей зададут этот вопрос, и была готова к нему.

– Никто.

– Но…

– Я решила, что правителю не нужен советник, в чьи обязанности входит доносить на всех. Правление не может основываться на клевете, подлости и подозрительности.

– Но, миледи… Король Ордур, королева Элеонор и король Эдуард – при них советник по безопасности был очень важной и нужной фигурой…

Изабелл вскинула брови на приподнявшегося со своего

места Советника Юбера.

– Неужели? Тогда попрошу всех присутствующих вспомнить, какая судьба постигла правителей, упомянутых сейчас вами, сэр Юбер.

Юбер, смутившись, вынужден был сесть. Посмотрев на остальных, Изабелл поймала на себе заинтересованный взгляд Саварда, но это было столь мимолетно, что она засомневалась, не почудилось ли это ей, в самом деле.

– Я благодарю вас всех за то, что вы собрались здесь. Я думаю, что наши встречи в ближайшие дни будут частыми, такими частыми, как того будут требовать безопасность и порядок Амберии, – Изабелл помолчала, послав им легкую, едва уловимую ободряющую улыбку. – И последнее на сегодня, – не могла не сказать она, вызвав гробовую тишину у зашевелившихся было на своих местах советников. – Мне бы хотелось, чтобы в следующий раз здесь было больше свечей.

Кэссер проводил ее до покоев и удалился, оставив у дверей стражу. Изабелл вошла в комнату, и тут же ноги подвели ее: она опустилась на ту самую жесткую скамью, что пришлась так не по нраву Родерику.

Признаться, она уже успела забыть о нем и вздрогнула, когда он показался из-за портьеры.

– Вы продержались даже дольше, чем я рассчитывал, – с привычной насмешливой улыбкой начал было он, но, увидев ее лицо, подскочил к ней, опустился на колено рядом и

с беспокойством сжал ее холодную руку.

– Все в порядке, миледи?

– Думаю, да.

– Вы уверены? Как все прошло? Каковы ваши впечатления?

Изабелл задумалась и наконец устало выдохнула:

– Там темновато.

– Где? – не понял шут.

– В Красном Зале.

Родерик в недоумении уставился на нее и тут же разразился веселым смехом.

– О, миледи… Признаться, вы умеете удивлять! У вас было такое лицо…можно подумать, вы провели этот час в подземелье, а не на заседании Совета.

– Знаете, сэр Блэк, это сравнение вполне себе годно…

Все еще посмеиваясь, он выпустил ее руку и сел рядом, сложив ладони на свои острые коленки.

– Ну так велели бы принести туда больше свечей.

– Я так и сделала, – улыбнулась она сквозь усталость.

Родерик вновь засмеялся.

– Однако, миледи, с каждым часом я все больше думаю, что не ошибся в вас! Однако, довольно шуток, дело-то серьезное. Что же решили на Совете?

– Созвать союзников.

– Разумно, – похвалил Родерик. – Не думаю, что север пойдет на открытое противостояние, но это точно не поме-

шает. Что-то еще?

– Вопросы про погребение…

– И про свечи.

– И про свечи.

– А сэр Кэчер?

– Советник Савард работает с ним.

– Да, но кто займет его место?

– Никто.

– Никто…, – задумчиво протянул Родерик. – И это означает равное количество голосов.

– Но я поняла, что голосование формально. И голос Председателя может быть единственным, но ему подчинятся остальные.

– Да, но…

– Я считаю это неправильным. Я предлагаю честное голосование. Седьмым голосом будет мой. И мы будем поступать так, как решит большинство. Даже если я в этом большинстве не окажусь.

Родерик уставился на нее так, словно увидел впервые. А потом осторожно спросил:

– Вы уже сказали им?

– Нет. Но я думаю об этом с тех пор, когда узнала, как прежде проводились голосования в Совете. И хочу сказать им на следующем заседании о переменах.

Шут вздохнул и выпрямился.

– Амберия еще не доросла до этого. Правитель должен

быть один. Иначе наступит хаос, безвластие, паника и война. Увы, так всегда бывало…

– Я не говорю о разделении власти. Я говорю лишь о том, что в решении важных вопросов нужно прислушиваться к мудрым, а не поступать наперекор им.

– Быть может, их мудрость однажды вступит в противоречие с вашими взглядами, миледи, – мягко сказал Родерик, посылая ей ободряющую улыбку. – И на этот случай оставьте себе лазейку – право наложить вето на решение большинства…

Изабелл глянула не него.

– Вы всегда подстраховываетесь?

– При моем образе жизни иначе невозможно.

– Я подумаю над тем, что вы сказали.

– Я знаю, – широко улыбнулся шут, поблескивая белыми зубами. – Это вы точно умеете.

Глава 3. На севере.

Его не было слишком долго.

Дни тянулись в тревоге и ожидании. Ждала не одна она – вся Каменная Гряда словно застыла в отсутствие своего хозяина.

Ночи сменялись днями, дни – ночами. Элейн пыталась посчитать, сколько суток пути до Мийена. И по всем ее подсчетам выходило, что Северн должен был давно вернуться.

Что случилось? Снова война? Но, даже будь оно так, разве не приехал бы он сперва домой, чтобы собрать войско и двинуться в бой? Разве не его долгом теперь было позаботиться о своем доме и всех его обитателях…

Могла ли быть засада? Предательство? Болезнь, неожиданно свалившая его в дороге? Несчастный случай? Элейн мучилась неизвестностью, и не у кого ей было спросить новостей… Слуги ничего не знали ровно так же, как и она, а больше в Каменной Гряде не нашлось для нее собеседников. Леди Чегвара едва ли вообще знала, что брат покинул замок несколько дней назад…

Лишь спустя неделю она узнала от сэра Ларсона о Ритуале Чистой Воды. Лорду Северну пришлось отправиться в Эмбер, сказал ей рыцарь. А это значило, что им еще нескоро доведется его увидеть.

Его не было слишком долго…

И, пока его не было, она проводила время в размышлениях.

Элейн часто думала о доме. Она осматривала эти холодные каменные стены, узкие ступени, ведущие в башни и, казалось, теряющиеся где-то там, наверху, где висела серая пелена не то облаков, не то тумана. Слишком отличалось это место от дома Поллоков. В самом названии Каменная Гряда чудилась холодная мрачная мощь.

Северн был иным. Кто-то мог сравнить его с этим замком, холодным и угрюмым, однако Элейн видела: Северн был добр.

Возможно, он был свирепым воином, Элейн не приходилось видеть его на поле сражения. За те недели до своего отъезда он понемногу вошел и в управление Каменной Грядой: то и дело до ее ушей доносился его глухой суровый голос, отдающий распоряжения. Однако по отношению к ней Северн был неизменно мягок.

Она вспоминала его юношей. Казалось, прошло не три года, а целое десятилетие: настолько возмужал этот человек.

Все это время Элейн исподтишка наблюдала за ним и отмечала новые черты, проступившие на его знакомом с детства лице. Шрам на левой щеке – рваная белая полоска, убегающая куда-то за ухо. Он еще не успел хорошо затянуться, значит, был получен не так давно. Лохматые волосы – как их ни зачесывай, все равно они будут напоминать гриву льва. Но Элейн и не думала, что Северна слишком беспоко-

ит это. Вряд ли время между боями он посвящал причесыванию. Вот глубокие морщины на переносице. Прежде их, как и шрама, не было.

Они иногда ужинали вместе, часто в компании сэра Ларсона, и Элейн заново открывала его – Северна Далластера – с его чувством юмора, которого она и не подозревала в нем раньше.

Северна Далластера – уже не юношу, а мужчину, не только воина, но и хозяина, от чьего решения зависит благополучие многих людей.

И, когда она совсем потеряла счет дням в разлуке, он наконец вернулся.

Она была внизу, когда протрубили дозорные. На миг всё застыло, а потом пришло в движение: заметались служанки, во дворе раздались чьи-то веселые возгласы, кто-то залихватски просвистел, и Элейн, поддавшись этой всеобщей волне оживления, выбежала из дома навстречу прибывшим. Ей было не видно, что происходит, из-за гораздо более высоких стражников и прочих людей, столпившихся во дворе, но она услышала натужный скрип ворот и топот копыт. Отряд Северна Далластера вернулся домой.

Элейн подумала, что ей, возможно, уместнее ожидать хозяина в доме, но какая-то часть ее отчаянно хотела видеть его тут же, сейчас же, и эта же часть желала, чтобы и он увидел ее. Поэтому Элейн энергично растолкала стоявших впереди и успела как раз вовремя: всадники спешились, чтобы

передать лошадей коноводам и самим зайти внутрь, где слуги уже спешно готовили ванну и накрывали стол. Северн стащил с головы шлем. Одежда его была запыленной и, кажется, плащ внизу изрядно вымок, как и сапоги. Устало щуря глаза, он кивнул окружившие его слугам, передавая шлем и поводья своего коня, а потом он заметил ее.

Сердце Элейн пропустило удар.

Он открыл рот, словно желая что-то сказать ей, но, видимо, осознав, что с такого расстояния она все равно его не услышит, нерешительно кивнул и заторопился внутрь.

Живая волна людей, подхватив Элейн и потащив за собой, тут же устремилась за ним и его рыцарями. Опасаясь быть задавленной, она отошла в сторону и нашла прибежище в кладовой у кухни. В кухне царила настоящая паника: женщины гремели чашками, спешно собирая обед для своего хозяина и его людей. Элейн ощутила себя ненужной. Это было какое-то совершенно глупое, детское чувство, но оно больно ранило ее. Нет, она не станет мешаться под ногами. Она поднимется к себе.

Минул час, другой. «Где он? – думала она. – Что он делает? Отдыхает ли с дороги? Делит ли трапезу со своими рыцарями?»

Узнать ответ можно было лишь одним способом. Накинув поверх платья теплую шаль, Элейн вышла из комнаты.

Нет, он не отдыхал и не трапезничал – едва спустившись вниз, Элейн услышала его голос, отдающий какие-то рас-

поряжения. Северн говорил отрывисто и напряженно, словно был чем-то недоволен или обеспокоен. Возможно, что-то шло не так в его отсутствие… Или же что-то произошло там, в Эмбере. Что-то плохое.

Задумавшись, Элейн задержалась в проходе и увидела Северна – он тоже увидел ее, тут же кивком отпустил начальника стражи, с кем говорил до этого, и решительно шагнул к ней навстречу, явно намереваясь поговорить теперь с ней. Но его отвлек сэр Ларсон, подбежав с какими-то бумагами. Лицо Северна выразило явное раздражение. Однако дела, видимо, не терпели промедления, так что он остановился и взялся за бумаги. Элейн отступила было в тень, как вдруг до нее донесся его голос:

– Нет, леди Элейн! Останьтесь, прошу вас. Мне нужно рассказать…

– Да, сэр Северн, конечно, – она попыталась вложить в свой голос столько спокойствия, сколько могла.

Северн что-то тихо сказал Ларсону, и тот тотчас же подошел к ней и предложил руку:

– Позвольте, леди Элейн, проводить вас в Малый зал. Сэр Северн присоединится к вам, как только закончит с одним неотложным делом. Я надеюсь, это не займет слишком много времени.

Камин в Малом зале едва теплился. Ларсон подкинул в огонь пару новых поленьев и, учтиво откланявшись, удалился.

Элейн села было на скамью, но тут же вскочила и принялась ходить взад-вперед по комнате. Беспокойство снедало ее душу. Элейн не знала, сколько она ждала. Дважды за это время в зал заглядывала служанка: один раз, чтобы проверить огонь в очаге, второй – чтобы спросить Элейн, не нужно ли ей чего-нибудь. Элейн покачала головой. Единственное, что ей было нужно – это знать, что случилось.

Наконец, дверь распахнулась, и показался сам Северн, хмурый и лохматый, будто разбуженный посреди зимы медведь.

– Леди, – голос его казался немного хриплым, будто простуженным, однако в нем не было ни капли раздражения или недовольства.

– Рада, что вы вернулись, сэр Северн. Дому не хватало хозяина.

– Да, – поспешно кивнул он и, словно торопясь выложить все, спросил:

– Дошли сюда слухи о Ритуале?

– Нет, насколько я могу судить… То есть говорят, что он должен был состояться, но что произошло в итоге, неизвестно…

– Королева Элеонор признала вину.

– В измене?! – ахнула Элейн.

– Нет. Она призналась, что убила короля Ордура.

Элейн схватилась за голову.

– Судьбы! Но…

– Это не все. Она сбросилась с Крепостцы. Покончила с собой, не дожидаясь суда.

– Что же теперь будет…

– Сир Эдуард, вероятно, уже коронован – я не стал дожидаться и уехал. Так же, думаю, он уже женат на вашей сестре. В день моего отъезда только и разговоров было о скорой свадьбе.

– Но сир Ренард…

– Сир, несомненно, знает уже все новости. Вероятно, вскорости он начнёт собирать войско, – Северн, нахмурившись, поспешил исправиться:

– Уже начал, думаю. Я слишком торопился домой, чтоб знать наверняка.

– Значит, снова война?

Северн горько усмехнулся.

– Я думаю, он рассчитывал на немного другой исход Ритуала. Но король Эдуард не кажется ему такой уж большой помехой, какой была королева. Да, я думаю, скоро снова начнётся война.

– Это ужасно!

Северн кивнул.

Элейн решилась задать вопрос, который давно мучил ее.

– Скажите, ведь вы были в Эмбере… Вы видели ее? Мою сестру Изабелл.

– Я говорил с ней.

– Как она? – с замиранием сердца спросила Элейн. – Ка-

кой она вам показалась?

Северн задумался, прежде чем ответить.

– Я думаю, у нее все в порядке. Она казалась спокойной и серьезной. Спрашивала о вас… Я сказал, что вы в добром здравии.

– Бедняжка… Она совсем одна…

– Сир Эдуард был рядом с ней. И еще какие-то люди.

Тут Северн невольно подумал о шуте, но промолчал.

Элейн кивнула.

– Спасибо. Это очень важно для меня – знать, что с ней все в порядке. Получить бы весточку от Кьяры… Так значит, вы говорите, что свадьбе быть? Эдуард не отказался от женитьбы на Изабелл?

– По крайней мере, так говорили.

– Это хорошо… Наверное.

– Наверное, – эхом отозвался Северн.

Он неловко облокотился на камин и задумчиво посмотрел на огонь. Блики света плясали на его лице, путаясь в отросшей бороде, лоб был нахмурен больше обычного – видимо, невеселые мысли занимали сейчас его голову.

– Что же будет дальше, Северн? – тихо спросила Элейн, борясь с желанием подойти и прикоснуться к нему.

– Не знаю, – так же тихо отозвался он.

– Ренард призовет вас. Снова.

– Да.

– Я… Я не хочу, чтобы вы…

– Воевал против вашей сестры? – с горечью спросил он, не отрывая взгляда от огня.

– Не хочу потерять вас.

– Я не оставлю вас без защиты.

– Я не об этом.

На миг глаза их встретились. А потом Элейн поспешила сказать:

– Уже поздно. Я иду спать. Доброй вам ночи, Северн.

И удалилась скорыми шагами. А он был настолько растерян, что не успел ей ответить.

Она ушла, сказав, что будет спать, но, конечно, не спала.

Она ждала его. Элейн думала, что он придет. Он должен был прийти. И она знала, что впустит его, знала это так же, как знала свое имя, знала, что утром солнце взойдет на востоке, а вечером скатится за горизонт на западе. Это было неизбежно и казалось на удивление правильным – в этом мире, где теперь сложно было с уверенностью сказать, что правильно и что нет.

Северн поднимался по ступеням. С каждой ступенью все выше – и все медленнее. Это был мучительно долгий путь, путь к Элейн, но он знал, что должен пройти его, иначе вся его жизнь казалась пустой и бессмысленной. Он думал, что она ждет его. Если ему не показалось…

Северн замер у массивной дубовой двери и поднял руку. Провел ладонью. Кожа ощутила каждую шероховатость, каждую впадину и трещину, оставленную временем. В серд-

цах людей время тоже оставляет трещины. Иные затягиваются, другие же болят и ноют годами.

Он не мог знать, что с той стороны ладонь Элейн словно тянется к его руке, что она прижала ее к двери и ждет, ждет…

Она слышала тихие тяжелые шаги. Она могла бы распахнуть дверь сама. Но она знала – он должен постучать.

Северн не постучал.

Утром следующего дня они встретились как чужие. И все последующие дни тоже. Словно то, что не произошло, теперь стояло между ними преградой еще выше прежних.

Спустя несколько дней стало известно об убийстве Эдуарда… А потом и о предстоящей коронации Изабелл. Северн знал, что Элейн, вероятно, очень нужно поговорить с кем-то об этом, но он не мог просто пойти к ней, как прежде, и вести светские беседы. Наверное, это было трусостью.

Даже сэр Ларсон в последнее время поглядывал на него с явным неодобрением. Северн знал, что они с Элейн по-прежнему иногда ужинают внизу вместе… Но стул Северна подле них теперь был всегда пуст.

Однако, когда-нибудь это должно было кончиться. И такой день наступил.

Это было вечером, темным и ветреным, когда Элейн пробегала по двору по каким-то своим делам и вспыхнула, увидев Северна, отдающего распоряжения ночной страже. Се-

верн, заметив ее, осекся и смутился. Стражники стояли пред ним навытяжку и терпеливо ждали, когда к их лорду вернется способность говорить внятно, вероятно, посмеиваясь над ним в душе. Северн внезапно разозлился. На них, на себя… На нее. В конце концов, кто-то должен положить этому конец. И, закончив со стражей, он решительно направился внутрь, сперва думая подняться к Элейн, но в последний момент поменял свое решение и велел служанке позвать ее в Малый зал.

Она явилась так быстро, что он не успел до конца продумать все те слова, что хотел сказать ей.

А Элейн просто стояла и смотрела на него, и этот взгляд сводил его с ума.

– Я хотел… Я должен поговорить с вами.

Она кивнула, все так же молча, и Северн вздохнул… Ему было бы куда проще, начни она разговор сама.

– Вы, конечно, знаете последние новости?

– Про короля?

– И про новую королеву.

Элейн кивнула. Северн попытался понять по ее лицу, о чем она думает, но он никогда не был силен в этом…

– Я долго думал… Ваша сестра теперь будет королевой. Вероятно, вы захотите отправиться к ней.

Изумление явственно проступило на ее лице.

– Почему вы так думаете? – спросила Элейн.

Кажется, она была в полнейшем замешательстве.

– Но это же понятно. Конечно, путь не близок и опасен… Если прикажете, я выделю вам отряд для охраны. Своих лучших людей.

– Хотите избавиться от меня? – не смогла она удержаться от лукавой улыбки, и тут же пожалела о своей дерзости, потому что лицо его дернулось, губы скривились.

Он как-то весь ссутулился и глухо произнес:

– Негоже вам издеваться… Лучше решайтесь быстрее, пока есть время. Скажу честно, я не хочу воевать. Я сыт по горло. И мои люди тоже. Я закрою замок. И пусть Ренард делает, что хочет.

– Но вы присягали ему! – невольно вскрикнула Элейн. – То, о чем вы говорите, будет считаться изменой…

– Я присягал королю. Ренард давно уже не король. Король не может хотеть смерти своего народа.

– Я не хочу уезжать, – тихо сказала Элейн. – Не хочу уезжать от вас.

Воцарилось молчание. Когда Северн решился его нарушить, голос его был глух:

– Хотите прожить всю свою жизнь в этой глуши? Делать вид, что гостите у старого друга, но при этом ощущать себя в клетке… Это место скоро станет вам ненавистно… Как и я. Черт побери, леди Элейн, я не могу быть вам другом, как бы я того ни хотел! Кем угодно, только не другом… Я готов убить за вас, умереть за вас, но не жить вот так… Не нужно этого более… Клянусь Судьбами, быть в одном доме с вами –

это пытка. Я больше не вынесу. Пощадите. Уезжайте. Будете жить во дворце рядом с сестрой. А я… Будь что будет.

Выпалив все это, Северн замолчал, отвернувшись к стене, ожидая услышать звук ее удаляющихся шагов. Но она не уходила.

– Если вы желаете моей смерти…

– Нет же!

Она подошла к нему и легко тронула его за рукав, вынуждая обернуться и посмотреть на нее.

– Вы правы в одном, я не хочу продолжать жить здесь… так. Но я хотела сказать… Если вы попросите моей руки, я отвечу согласием.

Сначала ему показалось, что он ослышался. Она не могла сказать такое. Просто не могла. Но потом, глядя на ее решительное лицо, Северн почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло.

– Вы готовы стать моей женой? – переспросил он, больше для того, чтобы дать себе время осмыслить это. Поверить.

– Да, – не медля ни секунды, твердо заявила она. – Если вы того пожелаете.

О Судьбы, да он желал этого так долго, столько, сколько себя помнил!

– Вы готовы связать свою жизнь со мной, с этим домом, с севером? Но я помню, как однажды вы сказали, что никогда не пойдете замуж за северянина.

Что-то промелькнуло на ее лице, и она опустила взор.

– Вот в чем дело… Вот что мучило вас, – она подняла на него свои глаза и робко улыбнулась. – Это говорила не я. Это была другая Элейн, которая жила в другом мире. Та Элейн мало о чем задумывалась…

– А теперь?

– А теперь…

И тут где-то далеко послышался душераздирающий женский вопль.

– Судьбы! – Элейн на миг застыла и тут же бросилась было к двери, но Северн опередил ее:

– Стойте! Это может быть опасно!

– Я пойду с вами!

– Хорошо, но от меня ни на шаг.

Когда они выбежали в коридор, навстречу им кинулась Эльзе, причитавшая:

– Она прыгнула. Прыгнула! Простите, господин, я не успела! Я не думала, что она может… Клянусь, и мысли не было такой!

– Да что же случилось, черт возьми?! – вскричал Северн, хватая бедную служанку за ворот и не давая ей повалиться ему в ноги.

– Я вошла, а она уже в окне… Только улыбнулась мне и сразу вниз! Она прыгнула! Ваша сестра, господин.

Дюжина мужчин с факелами под предводительством самого Северна прочесали место, куда должна была упасть леди Чегвара… да только тела не было. Ни на камнях под ее ок-

ном, ни где-то поблизости. С рассветом поиски возобновились, но тщетно. Чегвара, живая или мертвая, исчезла. Слуги и стража не заметили той ночью ни посторонних людей в замке, ни чего-либо странного. И только один молодой конюх, бывший в момент падения леди Чегвары во дворе прямиком под окном ее башни, говорил путано, заикался, но твердо стоял на своем: будто-то он видел тень огромной птицы величиной больше человека да слышал шум ее крыльев и тихий женский смех…

Искать совсем перестали на следующий день. Тела не было. Конюх все твердил про птицу и смех, пока его не увели. Люди в конце концов разошлись по двору, будто замок мог жить дальше, если не стоять у пустых камней.

Северн остался. Плащ в глине, руки черные, на щеке полоса сажи. Элейн стояла рядом и подол уже не подбирала: изорвала его о камни еще ночью.

– Ее нет, – сказал он.

– Нет.

Элейн подняла глаза к окну. Ни крыльев, ни смеха. Если сказка и была, она ушла вместе с Чегварой. Внизу остались они.

– Мы вчера не договорили, – сказал Северн камням, не ей. – Вас прервали. И меня. Я не знаю, считается ли то «да». Поэтому спрошу еще раз, пока оба в грязи и никто не кричит. Леди Элейн. Выйдете за меня?

Она посмотрела на его черные руки.

– Вчера я сказала в пылу. Сегодня говорю просто. Да.

Он кивнул так, будто ждал отказа, и не нашелся, куда девать руки. Элейн сама взяла одну, сажу не стряхнула, и подержала, пока внизу снова не начали перекликаться через двор, как перекликаются каждое утро.

Глава 4. Казнь.

С момента убийства короля Эдуарда прошло всего несколько дней, но Родерик настаивал на скорейшей официальной коронации, и сэр Кэссер был с ним солидарен – не могло быть и речи о том, чтобы выдерживать траур по убитому, любое промедление могло стоить слишком дорого. Изабелл ничего не оставалось, как согласиться с ними.

Коронация должна была состояться, по обыкновению, в тронном зале Чертога, где до этого величали короля Эдуарда, а до него короля Ордура и прочих особ из дома Валентайлов.

Изабелл не спала две ночи подряд. Нельзя сказать, что бы она высыпалась прежде, но накануне церемонии сон совсем покинул ее. Изабелл настраивалась на нечто, пусть и не грандиозное, но уж точно длительное и изнуряющее. В ее представлении обряд коронации – это какое-то священное таинство, но все было просто и закончилось через несколько минут. Хранитель возложил на ее голову корону и провозгласил Ее Величеством королевой Изабелл Валентайл. Так просто. И с того момента началось ее правление.

В дальнейшем Изабелл смутно помнила это время. В какой-то момент она перестала понимать, день или ночь на дворе: ей приносили еду – и она ела, стелили постель – она спала, давали какие-то бумаги и письма – она читала их и

всеми силами старалась понять. И еще – она постоянно с кем-то говорила: с подданными, с советниками, с гвардейцами, с сэром Кэссером, с послами… Но больше всех, пожалуй, с Родериком.

– Что мне делать с этим? – спросила она однажды у него.

– С чем?

– С этим, – она неловко обвела руками все вокруг. – Я не знаю, я теряюсь, я уже не различаю, что главное, а что нет…Я боюсь упустить что-то, и при этом постоянно занята чем-то, и все кажется мне одинаково важным и не терпящим отлагательств.

– Учили ли вас ведению дома? – спросил он ее, и когда она ответила утвердительно, продолжил:

– С королевством то же самое. Это большой дом, и вам важно помнить, что все жильцы должны быть укрыты, накормлены и по возможности довольны. Тогда они охотнее станут беречь и защищать свой дом.

– Только и всего?

– Если вы хотя бы приблизитесь к этому идеалу, Амберию ждет процветание, – улыбнулся Родерик. – Процветание, невиданное еще ни при одном из правителей.

– А как же интриги?

Взглянув на нее, чтобы убедиться, что она шутит, Родерик ответил:

– Оставьте их другим, тем, кто более сведущ в подобных вопросах.

– То есть вам?

– О нет, я не интриган, я всего лишь шут. Вы забыли?

– Я рисковала бы забыть об этом, сэр Родерик, если б вы не напоминали мне каждую минуту.

После обеда, за которым Изабелл едва смогла проглотить несколько кусочков, слуга передал ей, что сэр Кэссер желает доложить Ее Величеству о положении дел, и она тут же в нетерпении направилась в одну из комнат, за последние дни ставшей ее рабочим местом.

Кэссер выглядел усталым, и Изабелл вдруг подумала, что ему, наверное, тяжело так долго и так самоотверженно служить короне. Словно прочитав ее мысли, старый рыцарь выпрямился и бодро отчитался о том, что гонцы с просьбой о помощи разосланы по всему югу и востоку до самого Фарпорта. Изабелл незамедлительно ответила на это похвалой и тут же спросила:

– А что северяне?

– Пока нет никаких сведений, что они готовят нападение.

Изабелл подошла к окну и в задумчивости провела рукой по портьере.

– Здесь очень тяжелые шторы. Из-за них кажется, что тут трудно дышать.

Сэр Кэссер кашлянул, словно скрывая некую растерянность, и неуверенно спросил:

– Велеть заменить их?

– Что? – она обернулась к нему в кратком замешательстве и тут же тихо засмеялась. – О нет, сэр, ваше дело не занавески… Присядьте, прошу вас.

– Мой долг не позволяет мне сидеть в присутствии своей королевы, – горделиво поклонился он.

– Долг, долг… Но что же север? Неужели мы можем лишь наблюдать?

– Боюсь, что так, Ваше Величество.

– Что ж… И отсутствие новостей порой самая хорошая новость…

Едва Кэссер вышел, как к ней постучался Родерик.

– У меня возникает ощущение, что вы всегда ожидаете удобной минуты где-нибудь за ближайшим углом, сэр Блэк, – не удержалась Изабелл.

Он весело подмигнул ей – мол, возможно, и так – и тут же взгляд его обрел серьезность.

– Я пришел напомнить вам о чрезвычайно важных вещах, моя королева.

Изабелл села за стол и указала ему на стул напротив.

– Тогда располагайтесь, прошу вас.

Родерик послушно сел, положив ладони на свои немного костлявые колени и помедлил, словно раздумывая, как лучше начать разговор.

– Кэссер, несомненно, сказал вам, что северяне затаились?

– Да.

– И вы верите в то, что сир Ренард отказался от своих поползновений на Амберию?

– Едва ли.

– Едва ли, – согласно кивнул Родерик. – Меня удивляет, почему его войска еще не у стен Эмбера, но это может быть лишь вопросом времени…

– Возможно, он выжидает, пока паника и хаос после потери короля захлестнет город.

– Возможно, – вновь эхом повторил за ней шут. – Впрочем, слух о вашей коронации скоро донесется до Севера. Но это не значит, что до того сир Ренард не сумеет провернуть что-нибудь, что окончательно разрушит мир.

– Мы могли бы попытаться договориться…

– С этой лисой? Договор не имеет смысла, если выполнять его собирается лишь одна сторона.

Изабелл тяжело вздохнула.

– Еще есть сэр Кэчер. Это же о нем вы пришли напомнить.

– О нем. Вы должны казнить его, но…

– Но я не могу.

– И я вас понимаю.

– Но отпустить его тоже нельзя! Он убил короля! Возможно, Его Величество Эдуарда не слишком любили в Амберии, но отпустить его убийцу или попросту запереть в темнице до конца жизни – значит, признать собственную слабость.

– Вы начинаете размышлять, как истинный правитель. Мне нравится, – похвалил ее Родерик. – Что же касается сэ-

ра Кэчера…

– Казнь, – выдохнула Изабелл.

– Казнь, – согласился Родерик. – Публичная. При огромном стечении народа. Это единственный выход.

– Я не готова.

– Естественно. Вы же не убийца. Вы добрая и великодушная женщина. Женщины должны дарить жизнь, а не отнимать ее.

Он замолчал, пристально посмотрел на нее и жестко сказал:

– Но вы не просто женщина. Вы королева.

Изабелл вздрогнула и отвернулась, желая скрыться от его неумолимого взгляда. В воздухе между ними ощущалось напряжение, и Изабелл на мгновение показалось, что сейчас он возьмет ее за руку. Но Родерик лишь мягко сказал:

– К этому никогда не будешь готов.

Утро казни выдалось на редкость туманным. Вообще, туманы были привычнее для севера, и, живя в отчем доме, Изабелл привыкла, что порою по утрам всё вокруг такое белое, будто деревья, озеро, тропинки и клумбы Судьбы взяли и окунули в молоко. Здесь же, на юге, она едва ли могла вспомнить, когда в последний раз видела такой туман. Обычно тут было ясно. Конечно, бывали и дожди, но, даже затянутое тучами, небо казалось высоким и недосягаемым, словно приподнятым над землей ладонями всевидящих Су-

деб. Судьбы…Суд… Изабелл впервые задумалась о сходстве этих слов.

Было холодно и промозгло, поэтому служанки принесли Изабелл теплую накидку с капюшоном, отороченным мехом.

Время близилось к назначенному часу, но она все медлила. Когда наступит время, Кэссер придет за ней.

Стоя на балконе рядом с сэром Кэссером и Советником Савардом, Изабелл ощущала себя так, словно она по-прежнему была маленькой девочкой. Больше всего ей хотелось заплакать и убежать отсюда, броситься на кровать и зарыться лицом в подушки, чтобы никогда больше не поднимать глаз и не видеть все это. Эти лица, искаженные злобной радостью, хором скандирующие: «Смерть, смерть!» На площади в этот ранний час собралось немало горожан, потерявших своего короля, негодующих, требующих справедливости. Изабелл не могла не дать им этого.

Ощутив, что сэр Савард внимательно смотрит на нее, она кивнула: он тут же выступил вперед и, дождавшись тишины, огласил приговор.

– Тобиас Кэчер, вы обвиняетесь в совершении предательства, повлекшего за собой смерть вашего короля, Его Величества Эдуарда Валентайла, и приговариваетесь к смерти через повешение. Приговор приведется в исполнение немедленно. Желаете ли вы что-то сказать напоследок?

Изабелл мысленно помолилась Судьбам о том, чтобы Кэ-

чер ничего не говорил (она боялась этого не вынести) – и Судьбы, кажется, услышали ее, потому что он лишь покачал головой. Слезы катились по его лицу, и из-за связанных рук он даже не мог вытереть их.

И в этот момент она ощутила позади себя знакомую фигуру, и теплая рука с длинными и тонкими, чуть узловатыми пальцами протянулась к ее руке и сперва нерешительно тронула, но, когда Изабелл ухватилась за нее, как утопающий хватается за спасательный круг, то сжала уже решительно и крепко.

И это пожатие словно защитило Изабелл: она уже будто сквозь пелену видела, как палач выбивает чурку из-под ноги осужденного, и тот какое-то время дергается на веревке, из последних сил цепляясь за жизнь, а потом наконец затихает, но снимать его не спешат, давая всем свидетелям вдоволь возможность полюбоваться на то, что случается с предателями короны.

Словно во сне Изабелл ощущала, как сэр Кэссер и Родерик ведут ее с балкона внутрь дворца, в комнаты, как служанка что-то тихо говорит ей, помогая снять плащ, а потом она ощутила под собой благословенную мягкость постели и забылась сном – целебным, дарящим успокоение. Изабелл проспала почти сутки.

Тем временем в Нордтэке, в малом зале, царило молчание, но только глупец мог принять его за спокойствие. Спо-

койствием там и не пахло. Напротив, воздух, согретый весело потрескивающими дровами, казался наэлектризованным, но не от огня очага, а от фигуры короля, обманчиво застывшей в кресле. Вторая фигура – сгорбленная и ещё более тихая – медленно пробиралась по комнате, словно готовая в любой момент отскочить от брошенного в ее сторону предмета. И эта фигура ощутимо вздрогнула, когда со стороны кресла послышался сдавленный голос:

– Все пошло не так, Моро! Совсем не так!

– Да, мой король, – тихо и печально отозвался советник, всем своим скорбным видом показывая, что он с такой же болью переживает неудачу.

– Этот болван Кэчер не должен был попасться! – тут Ренард не удержался, вскочил с кресла и шарахнулся в сторону очага. – Он должен был расшатать Совет изнутри и посеять раздор. И, черт возьми, откуда они вытащили Валентайла? Судьбы меня прокляните, если Эдуард был Валентайлом, а уж эта девчонка и вовсе ни при чём! Почему же они присягнули ей, а, Моро?

Моро подумал, что не будь король так глуп, он мог бы забрать себе Эмбер несколько дней назад. Тогда у них не было Валентайла. Эдуард был последним. До свадьбы. Но сир Ренард питал странную любовь к эффектным ходам, которые в жизни, увы, оказывались неэффективными. Стоило лишь дать сигнал убрать Эдуарда до свадьбы, и все было бы иначе. Неизвестно, спасло бы это Кэчера или нет, однако неве-

ста Эдуарда и те, кто за ней стоит, совершенно точно остались бы не у дел. Странно, что Кэчер ни слова не сказал им об этих людях. А ведь они должны быть достаточно могущественны, чтобы провернуть такое… Кто-то из двора? Из войска? Моро на самом деле мучил этот вопрос.

– Несомненно, она нашла поддержку во дворце у кого-то, кто имел возможность повлиять…

– Сколько ей вообще лет? – перебил Ренард. – Семнадцать? Девятнадцать?

– Мне точно неизвестно, сир…

– «Неизвестно», – передразнил его Ренард. – И что теперь делать с ней?

– Полагаю, дождаться первого шага от неё, мой король.

Ренард глянул на своего советника исподлобья.

– Я никогда ее не признаю.

– Ну разумеется, сир, – терпеливо кивнул Моро. – Полагаю, она об этом догадывается.

– Я выжгу юг дотла. Я уничтожу каждое их поле с посевами, каждый колодец, я разберу Чертог по кирпичикам, а эту суку повешу на воротах, прямо посреди, где у них красуется солнце!

– Непременно, мой господин. Но, позвольте вам напомнить, что ваше войско нуждается в отдыхе и пополнении припасов, а вы нуждаетесь в свежих силах и новых людях. Взять Эмбер без войны пока невозможно…

Ренард ухмыльнулся.

– У меня тоже есть козырь, Моро. Северян слишком мало, не думай, что я этого не понимаю. Да, они хорошие воины, но, если юг соберёт всех… боюсь, что перевес будет не в нашу пользу. Но я обо всем позабочусь, я много продумал заранее. У нас будет свежая кровь!

Советник промолчал, но казался озадаченным словами короля.

– О, Моро, я едва ли не впервые вижу, что ты, кажется, удивлён? Мне все же удалось поразить тебя? – Ренард засмеялся.

– Признаю, да, мой сир…

– Хочешь узнать, откуда придёт подмога? Я послал человека к Островам.

– Острова?

– Да, мой дорогой друг. Острова.

– Они не станут сражаться за кого-то… Если только вы не обещали им нечто такое, от чего они не смогут отказаться. Но что это? Золото?

– Гораздо лучше, Моро, гораздо лучше. Острова сами по себе, тут ты прав, и они достаточно богаты, чтобы не становиться наемниками за золото. Но и у них есть слабое место. Земля. Острова большие, но часть их территории непригодна для жизни. А население растёт. Я обещаю им землю. Восточный берег с Фарпортом. Думаю, можно поступиться частью своих будущих владений ради короны. Моей короны! Пусть себе селятся, плодятся… А там посмотрим. Конечно,

путь на острова не близок… но ведь мы можем подождать, верно?

Моро казался задумчивым.

– Да, мой король, – рассеянно кивнул он. – Мы можем подождать.

Глава 5. Правда.

Родерик привык ощущать себя свободным. Так странно – быть при дворе в самом сердце Чертога и в самой гуще светских интриг, быть королевским шутом – и при этом свободным.

И вот теперь Родерик с все нарастающей тревогой ощущал, как появилось и растет нечто, приковывающее его к себе. Он никогда не был привязан к Эдуарду настолько, чтобы чем-то пожертвовать ради него. Или ради Амберии. Прежде он покинул бы Чертог, едва до него донесся бы слух об убийстве короля. Покинул, сознавая, что и его жизнь теперь в большей опасности, чем обычно. Он пробрался бы на корабль и пустился в новый мир, чтобы начать там новую жизнь. Амберия была для него лишь словом. Несомненно, он переживал о ее судьбе, но в призме судеб окружавших его людей. Теперь же он ощущал, что для Изабелл готов пойти на многое.

Для большинства ее образ за несколько недель прочно связался с образом Амберии – в том числе благодаря и его стараниям. Для многих, но не для него. Для Родерика она оставалась в первую очередь хрупкой женщиной с задумчивыми глазами и тонкими руками, словно созданными для того, чтобы обвивать шею возлюбленного или прижимать к груди ребенка. Но не поддерживать мощную крышу всего

королевства.

Порой он жалел о том, что схватил ее в ту ночь и толкнул навстречу Судьбам. Но Родерик верил, будто Изабелл справится. Он и сейчас верит. Изабелл была не просто человеком, а правителем – и Родерик знал, насколько это тяжело. Пока у нее многое получалось. Изабелл была милосердна, но стойка к просьбам и угрозам. Держалась с достоинством, говорила неторопливо, двигалась без суеты. Природная сдержанность сослужила ей хорошую службу, и за нею порой не видна была та робость, с которой королева иногда воспринимала свое окружение. Это нормально. Робость пройдет со временем… И Родерик невольно подумал о том, есть ли у них достаточно времени.

Сразу после полудня Изабелл вышла в сад. В дворцовых залах было душно и пыльно, к ней то и дело подходили с какими-то вопросами, мелкими и не очень, а Изабелл не могла заставить себя сосредоточиться на том, что ей говорят. Очень болела голова, и она в очередной раз подумала о том, как славно было бы оказаться дома, в Лебедином Пруде, и услышать сдержанное покашливание отца за дверью, ощутить на собственном лбу такие прохладные исцеляющие руки Элейн, поймать лукавый, но обеспокоенный взгляд Кьяры… Но дома больше нет. Ничего больше нет. И она даже не может попасть на могилу отца. Есть ли эта могила вообще? Она не может узнать, каково сейчас Элейн, жива ли Кьяра,

не сгинула ли по дороге, не сотворили ли с нею каких-нибудь ужасных вещей…

К ней тотчас же подошла одна из фрейлин в полной готовности услужить, однако Изабелл мягко отослала ее. Она хотела просто немного побыть в одиночестве. Такая простая просьба, такое ничтожное желание… Но и оно не было услышано.

– Ваше Величество!

– Сэр Кэссер?

– Вы позволите? – он жестом показал, что желал бы пойти рядом.

– Да, разумеется, – Изабелл окончательно распрощалась с мечтой о кратковременной передышке.

Сэр Кэссер не тот человек, что будет приставать с пустяками.

Однако старый воин молчал. Он идеально подстроился под ее неспешный шаг и просто двигался рядом.

– Вы хотели мне что-то рассказать? – спросила Изабелл, поглядывая на него и вымученно улыбаясь.

– Вам нездоровится, – вдруг сказал Кэссер.

– Пустяки, – отмахнулась она. – Это пройдет. Нужно только немного отдохнуть.

Он задержал на ней свой проницательный взгляд, словно желая что-то понять, и когда взор его опустился ниже, к ее животу, Изабелл все поняла.

– Нет, – просто сказала она.

– Нет? – переспросил сэр Кэссер, смущенно улыбнувшись. – Извините меня, Ваше Величество.

– Это, правда, просто усталость.

– Сейчас не время отдыхать, – он печально вздохнул.

Впереди них на аллее послышались веселые голоса, замелькали яркие платья фрейлин.

– Но некоторым это все же удается, – Изабелл усмехнулась и указала ему на них.

Они остановились на мгновение, однако все же продолжили свой путь туда, где все еще была жизнь, было веселье, была беззаботность.

Она шла, рассматривая аккуратно подстриженные кусты и деревца, но не могла заставить себя не поглядывать то и дело в конец аллеи, где вездесущий Родерик о чем-то болтал с целой стайкой молодых и не очень леди. Оттуда временами доносился веселый женский смех, и Изабелл не могла не ревновать, одновременно понимая глупость всего этого и злясь на саму себя.

Но сэр Кэссер, видимо, хотел склонить ее к серьезному разговору.

– Я приставил человека к Курту. Он был ближайшим пособником сэра Кэчера. Пытался размотать этот клубок.

Изабелл кивнула.

– Я полагаю, нить оборвалась в итоге?

– Да, – твердо заявил он. – Этот путь никуда не привел. Все либо мертвы, либо исчезли в неизвестном направлении.

– Этого следовало ожидать. Если бы я планировала убить короля, то тщательно позаботилась бы обо всех, кто участвовал в этом деле.

– Но что, если они планировали смуту, панику, возможно, переворот – но не убийство? Его Величество Эдуард был… довольно мягким человеком. С ним можно было договориться. Я думал об этом все это время. Возможно ли, чтобы все это было проделано не ради убийства, но для устрашения?

– Однако он был убит. Вы видели это собственными глазами.

– Видел.

– Так что же не дает вам покоя? Эдуард не был храбрецом, сэр Кэссер… И когда он покинул опочивальню, он не шел сражаться с захватчиками… Я думаю, он надеялся спрятаться понадежнее. Убивать его было без надобности, говорите вы, однако они все же сделали это. Вздумай они захватить его в плен, он не стал бы сопротивляться.

– Я думаю, что знаю, кто сделал это, – сказал вдруг сэр Кэссер. – Кто мог это сделать. У кого были мотивы. Кто не был в заговоре, а действовал по собственному желанию, просто воспользовавшись ситуацией.

Изабелл бросила на него вопрошающий взгляд. Но сэр Кэссер смотрел не на нее, а на высокую фигуру в красном плаще, развлекающую толпу придворных дам в конце аллеи.

Она остановилась и испуганно посмотрела на своего командующего.

– Родерик? Нет!

– Отчего вы так уверены? – чуть насмешливо спросил сэр Кэссер, словно понимая ее чувства. – Достаточно ли вы знаете этого человека, чтобы доверять ему?

– Я никому не доверяю, – сухо ответила Изабелл. – Не сомневаюсь, у него были мотивы, но они слишком ничтожны, чтобы сподвигнуть такого человека на подлое убийство.

– Напротив, – осторожно возразил сэр Кэссер. – У сэра Родерика была самая что ни есть весомая причина.

– Какая же? – с насмешливой улыбкой спросила Изабелл.

Ей было интересно, что ответит командующий. Какой грех, еще не названный, он найдет у королевского шута.

– Насколько мне известно, многие поговаривали, будто Родерик – внебрачный сын короля. Старший сын, – подчеркнул он. – А, поверьте моему опыту, подобные слухи не бывают беспочвенны.

Изабелл ощутила, как земля уходит из-под ее ног, и вынуждена была схватиться за локоть командующего, который он тут же подставил ей.

– Вы не знали, – тихо сказал он, и это прозвучало, как утверждение. – Не знали.

– Это правда? Правда, что он сын Ордура Валентайла? – прошептала она.

– Я не могу сказать, правда ли это. Никто не знает наверняка. Кроме него. Так спросите его. Вам он едва ли солжет.

Родерик с шумом выдохнул воздух, сдирая с себя ненавистный красный плащ. Он был ужасно неудобным, завязки постоянно натирали шею, но это был шутовской наряд – и, значит, его.

В комнату постучали, и Родерик, чертыхнувшись, пошел открывать. На пороге стояла молоденькая служанка – новенькая, похоже, потому что прежде он ее не видел. Девчушка смущенно застыла, вытаращив на него огромные глаза. Родерик вопросительно поднял бровь.

– Вот, сэр, – она протянула ему запечатанный конверт. – Вам.

Он взял бумагу и, кивнув с невозмутимым видом, закрыл дверь.

Родерик перевернул конверт. Простая печать без опознавательных знаков. Он осторожно поднес конверт к лицу и понюхал. Пахло жасмином.

Перчатки одевать смысла не было – вряд ли конверт был посыпан ядом, учитывая, что он прошел через руки служанки и Судьбы знают чьи еще.

Родерик сломал печать. На листе бумаги было лишь несколько слов:

«Мне нужно поговорить с вами. Часовня Судеб. Через час»

Родерик вздрогнул. Конечно же, он узнал почерк. И если она зовет его в Часовню, дело серьезное.

По пути к Часовне Судеб на мгновение он позволил себе помечтать, что спешит на свидание. Настоящее свидание, которого у него никогда не было. Быстрые и неловкие зажимания в кладовой или тайные ночные путешествия в опочивальню к даме в маске (как будто он или она правда верили, что маска не позволит узнать ее владелицу шуту, что каждый вечер развлекал толпу гостей в тронном зале и мог с закрытыми глазами по звуку шагов определить, кто идет) – всё это не в счет. И на сей раз в Часовне его ждет прекрасная дама, которую он поклялся любить и защищать всю свою жизнь, как настоящий рыцарь и человек чести… Увы, ни рыцарства, ни чести у него нет, но помечтать-то можно.

Она правда была тут и ждала его. Но при этом менее всего походила на женщину, ослепленную любовью.

Мысленно вздохнув, Родерик встал в проходе, облокотившись о дверной проем и скрестив руки на груди.

Изабелл смотрела на него серьезно и чуть печально.

– Вы пришли.

Родерик отлепился от стены и весело развел руками:

– Как видите, Ваше Величество.

– Где ваш красный плащ?

– Он приметнее черного. И, к тому же, красный жуть как неудобен.

Изабелл заходила по часовне. Сухие листья шуршали под ее ногами.

– Вы чем-то расстроены? Что случилось?

– Случилось, вы правы. Уже давно.

Родерик приблизился к ней своей острожной грациозной походкой. Он не мог поверить, что она может испытывать к нему что-то… что-то больше, чем доброе отношение… и тем более не мог поверить, чтобы она решилась заговорить об этом…

Изабелл обернулась к нему, и в тот же миг Родерик устыдился своих непрошенных мыслей. Конечно же, она не имела ввиду ничего такого, что он имел несчастье выдумать себе…

– Это были вы? – спросила вдруг она, решительно придвигаясь ближе и заглядывая ему в лицо своими пронзительными глазами. – Вы убили его?

Эдуард. Даже мертвый, он незримо стоит между ними.

Родерик вскинул брови.

– Зачем бы я убивал своего короля?

– Из презрения. Из ненависти.

Родерик с печальной усмешкой скривил губы.

– Если я отвечу вам, поверите ли вы?

– Я знаю, когда вы говорите правду. Я слышу вас.

– Миледи, я лгу всю свою сознательную жизнь.

– Но не мне, – прервала она его.

Родерик тихо вздохнул. Он посмотрел ей в глаза и сказал:

– Нет, я не убивал его. Я презирал Эдуарда, жалел его, но не ненавидел. Правда в том, что я не желал видеть его на троне. Эдуард был совершенно неподходящий для этого че-

ловек. Но он должен был править, и я всеми своими силами помогал бы ему до самого конца. Не из любви к нему, скорее, в первую очередь ради собственной выгоды. Вот видите, я тот еще циник.

Изабелл как будто пропустила его последние слова мимо ушей. Ее интересовало другое.

– Неподходящий человек… Грустная правда. А я – подходящий?

– К сожалению, да, – загадочно отвечал Родерик. Он указал ей на скамью у входа в Часовню.

– Идемте. Посидим немного.

Изабелл знала, что он хочет рассказать ей о себе. Она словно слышала слова, что бились в его сердце, но пока не смели появиться на устах.

Королевский шут и правда долго сидел молча. Однако потом заговорил:

– Мне было плевать на всех вокруг. Знаете ли? Я был просто мальчишкой, который рано узнал от своей матери, почему мне нужно как можно меньше попадаться на глаза королеве Элеонор и ее придворным. Вы думаете, я послушал ее? Я слушал до ее кончины. Но она умерла так рано. И мне стало все равно. Она одна была моей семьей, одна любила меня и заботилась обо мне. И вот ее не стало. У меня оставалось два пути. Умереть вслед за нею или заставить окружающих заботиться обо мне и любить меня. Я рано понял свой дар: я легко мог внушить человеку симпатию или, напротив,

омерзение. Внушать первое было выгоднее. Меня подкармливали на кухне. Мне давали место для сна. Со мной делились секретами. Это было хорошо, удобно, приятно. Но все когда-нибудь заканчивается, верно? Я думал, пристальный взгляд королевы будет мне концом. Но ее желание назначить меня шутом Эдуарда стало для меня лишь лестницей наверх. Отчего-то многие полагают, что шуты – самые презренные и глупые существа в королевстве. Я неплохо знаю историю и смею заметить, едва ли из всех придворных шутов, что существовали за двенадцать веков, наберется и пара идиотов. Кто-то нас презирает? Возможно. Но многие попросту завидуют. Вы видели этих придворных, напыщенных и гордых своими титулами? У них не было и половины той власти, что я имел над Эдуардом. Если бы я хотел убить его… Если бы я только думал об этом… О, поверьте, я нашел бы способ сделать это более…изящно.

Он замолчал. Изабелл ощущала на себе его цепкий взгляд, но была пока не готова посмотреть ему в глаза.

– Вы думаете, что я желчный, мелочный и самовлюбленный человек. И, скорее всего, вы по-прежнему не верите мне. Знаете, не могу вас винить.

Изабелл невольно улыбнулась, склонив голову.

– Вы не так проницательны, как казались мне. Нет, я думаю о другом… Я думаю, вам надо бы занять другой пост. Гораздо более высокий.

– О нет! – Родерик поспешно покачал головой и усмех-

нулся. – Умоляю вас, не делайте этого. Поверьте, вас съедят живьем, если вы сделаете шута советником или, еще хуже, военачальником. Я лицедей, это моя личина и мое клеймо. А клеймо, как известно, не выжечь и огнем.

– Это несправедливо, - тихо сказала Изабелл.

– Напротив, если подумать, я в самом выгодном положении. У меня много возможностей, а вот ответственности – никакой.

Изабелл улыбнулась.

– И вы можете говорить все, что вам вздумается.

Родерик засмеялся.

– О миледи, пожалуй, я более, чем другие, задумываюсь о каждом своем слове!

– Вы давали мне по-настоящему ценные советы. Были помощником и защитником. Были верны. Неважно, мне или королевству, но верны. Справедливо ли оставлять вас придворным шутом?

Он немного склонил голову, словно обдумывая ее слова, а потом тихо произнес:

– Миледи, мне довольно того, что вы считаете это несправедливым.

Он взглянул на нее испытующе, но Изабелл смотрела куда-то мимо него, напряженно о чем-то размышляя, и Родерик был не уверен, слышала ли она его последние слова.

– Одного лишь я хочу, – сказал шут громче. – Не отсылайте меня, оставьте при дворе. Лишь в этом случае я смогу

и дальше помогать вам.

– Да, конечно, – рассеянно произнесла Изабелл.

– Тогда идемте, Ваше Величество. Негоже королеве так много времени проводить со своим шутом.

– Да, – согласилась Изабелл. – Но что, если она считает шута своим другом?

– Это невозможно, – печально сказал он. – У шутов нет друзей. Как нет семьи и имени, нет дома и земель.

– Но что-то все же есть?

– Иногда власть, – улыбнулся он ей, куртуазно подавая руку. – Зависит от правителя. При Эдуарде она у меня была.

– А сейчас? – с интересом спросила Изабелл.

Глаза Родерика весело сверкнули.

– А сейчас я могу похвастаться другим полезным приобретением, которое в нашем случае гораздо полезнее власти.

– Каким же?

– Опытом, естественно. Вы лишь учитесь править, я же наблюдал, как правят другие, всю свою жизнь. Наблюдение – удивительная штука, если при этом уметь делать выводы.

– Насколько вы близки с сэром Кэссером?

Родерик удивленно взглянул на нее и хохотнул.

– Вот откуда ноги растут! Нет, мы вовсе не близки.

– Я думаю…

– Тсс, – перебил он ее, приложив палец к своим губам. – Я знаю. Но сэр Кэссер сейчас сделает все для того, чтобы защитить вас. В этом я уверен. Если понадобится, даже от

меня.

Изабелл удивленно вскинула голову.

– А это понадобится?

Родерик широко улыбнулся.

– Мы – шуты – можем быть чрезвычайно назойливыми и бесцеремонными.

– С этим я справлюсь и без сэра Кэссера, – улыбнулась Изабелл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.